

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА МОДЕРНИЗАЦИИ

Н.Е. ТИХОНОВА

Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995–2010 годы)*

В статье представлена картина изменений нормативно-ценностной системы российского общества. Показано, что, оставаясь в целом неократической, она в последние годы претерпела существенные изменения, свидетельствующие о медленном размывании ее традиционалистского ядра.

Ключевые слова: личность, общество, государство, нормы, ценности, социокультурная модернизация, неократизм.

In article the picture of changes of standard-values system of the Russian society is presented. It is shown that, remaining as a whole neoetacratitic, it in last years has undergone the essential changes testifying to its slow washing out traditionalist kernel.

Keywords: the person, a society, the state, norms, values, sociocultural modernization, neoetacratism.

В условиях затяжного экономического кризиса, который вместе со многими другими странами мира переживает Россия, обращение к такой теме, как проблематика социокультурной модернизации¹, представляется, на первый взгляд, несколько странным. Казалось бы, своевременно ли сейчас разбираться с нюансами соответствия ценностей, жизненных установок и особенностей поведения россиян нормам, характерным для обществ модерна? И все же рискну утверждать, что именно сейчас

* Данная статья подготовлена в рамках работы по проекту "Культурная динамика российского общества и перспективы модернизации России" (грант № 11-03-00561а), осуществляемому при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

¹ Модернизацию я понимаю в ее неомодернизационной трактовке как протекающий в разнообразных формах с учетом особенностей национальных культур и исторического опыта народов процесс, благодаря которому традиционные (доиндустриальные) общества достигают состояния модерна посредством не только экономической, политической, социальной и культурной, но и социокультурной модернизации. Под последней я подразумеваю формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов, систем санкций и т.д., а также рационального типа мышления и внутреннего локус-контроля, что в совокупности и создает базу для формирования и успешного функционирования новых социальных институтов.

эта проблематика гораздо актуальнее, чем она была еще несколько лет назад, в относительно более спокойные времена. Ведь тот кризис, в котором вместе со многими странами мира продолжает находиться сейчас Россия, – это глобальный системный кризис, знаменующий собой завершение эпохи модерна и переход к новой фазе мирового развития. И в этот момент, как никогда ранее, актуальным становится вопрос о том, насколько успела усвоить Россия уроки этого этапа истории, с чем она входит в новую эпоху развития человечества.

Благодаря исследованиям последних лет (Н. Лапина и Л. Беляевой, Н. Лебедевой и А. Татарко, В. Магуна и М. Руднева, В. Ядова и Е. Даниловой и др.) в российской науке в настоящее время уже достаточно прочно утвердилась точка зрения, что в нашей стране происходит разложение модели культуры, характерной для обществ традиционного, доиндустриального типа, хотя само превращение России из крестьянской страны в развитую индустриальную державу совершилось уже более полувека назад. Однако вопрос о том, чем именно заменяется эта модель, включая характерные для нее *нормативно-ценностные системы, являющиеся ядром любой культуры*, нуждается в отдельном исследовании. Актуальность его обусловлена прежде всего именно необходимостью понимания потенциального места России в условиях нового мирового порядка. Ведь то место, которое сможет занять наша страна в системе международного разделения труда в глобальной экономике (а следовательно – и в мировой политике), напрямую связано с перспективами и итогами завершения в ней социокультурной модернизации.

Специфика норм в области взаимоотношений человека, общества и государства в России, характер их изменения в последние 15 лет и оценка этих изменений в контексте перспектив дальнейшего развития России – предмет данной статьи. Причем тот факт, что эти нормы могут далеко не всегда соблюдаться на практике, не имеет для анализа никакого значения, поскольку моя задача – понять, как в российской культуре меняется представление о должном, в частности – об оптимальном для России типе социума и принципах его функционирования, как в них появляются новые черты и грани, а старые обретают новый смысл. Ведь именно изменение старых смыслов и появление новых во взаимодействии культуры и изменяющейся реальности и составляет, собственно, суть культурных изменений. Анализ же того, как согласуются эти представления о должном с реальностью или что и почему мешает их реализации – совсем другие исследовательские задачи.

Начну с того, что еще раз² зафиксирую – *господствующая в России модель нормативно-ценностной системы выступает, на мой взгляд, разновидностью моделей, характерных для этатрастических обществ доиндустриального типа, хотя и вступивших уже в эпоху своего разложения* (наиболее точным определением последних представляется понятие “неоэтакрастические” [Шкаратан, 2009]). С точки зрения доминирующих в ней норм, отражающих представления о “должном”, интересы общности, прежде всего общества в целом, народа, страны, в ней превыше интересов и прав отдельных людей. Государство в рамках этой системы норм – инструмент реализации интересов макрообщности, и именно ее интересами как целого и должно оно руководствоваться в своей деятельности, как, впрочем, и любой человек или социальная группа.

Для россиян не те или иные группы индивидов должны в борьбе друг с другом уметь отстаивать свои интересы, а государство как выразитель общих интересов призвано, принимая во внимание интересы различных субъектов, на базе общественного консенсуса проводить политику, направленную на благо народа как единой общности. Не случайно в 2010 г. более половины взрослого населения страны (76% ответивших на данный вопрос при 24% не согласных с предложенным респондентам суждением) считали, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед инте-

² См. подробное обоснование этой точки зрения в [Тихонова, 2001; 2005; 2006; 2008^a; 2008^b; Готово... 2010].

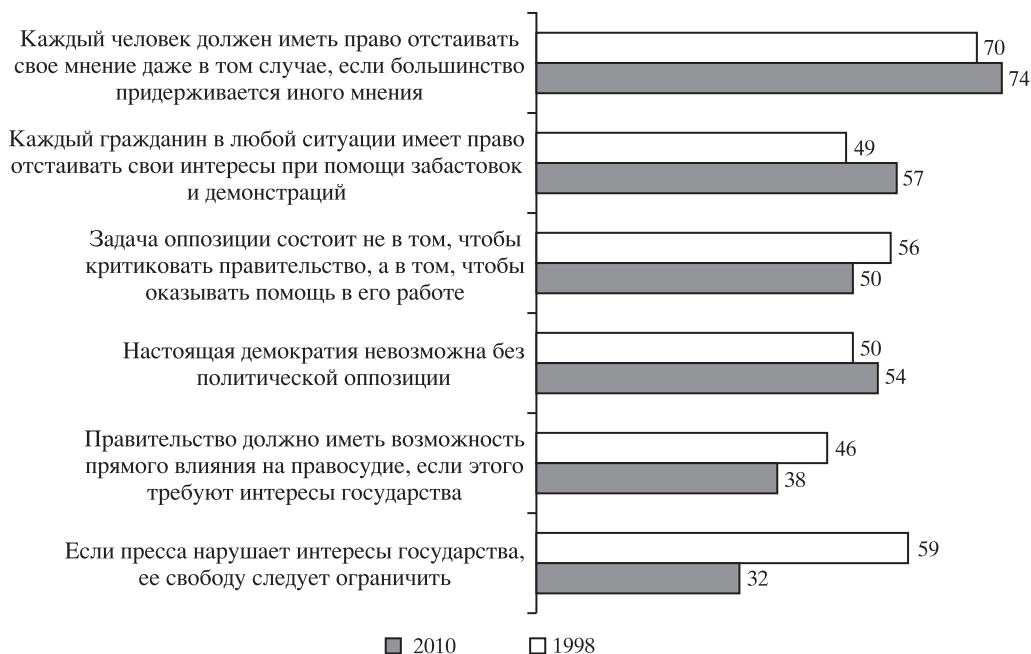

Рис. 1. Эволюция взглядов россиян по некоторым вопросам (1998/2010 гг., % от россиян в возрасте до 65 лет, согласных с представленными утверждениями).

ресами отдельной личности³. Именно в силу права и долга государства представлять интересы этой общности, граждане должны проявлять к нему максимальную лояльность и признавать его право вмешиваться в их жизнь, даже если это ведет к нарушению их гражданских прав. Во всяком случае, доля согласных с тем, что правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если того требуют интересы государства, в России уже много лет больше, чем не согласных с этим (в 2010 г. их было 39% при 34% не согласных и 27% не сумевших определиться в этом вопросе с собственной позицией).

В то же время динамика распространенности подобных взглядов свидетельствует о *быстром размывании основ легитимности идеи всевластия государства и приоритетности его интересов* (см. рис. 1). Особенно ярко это заметно в отношении свободы слова: по отношению к необходимости ограничивать ее, если нарушаются интересы государства, россияне сейчас делятся на три практически равные части, хотя еще 10–12 лет назад отчетливо доминировала позиция признания за государством права на реализацию своих интересов и в этой области. Сейчас же в этом вопросе наибольшая (36%) доля тех, кто не признают за государством права ограничивать свободу прессы, даже если она нарушает их интересы.

Кроме того, поскольку эта система норм вступила уже в фазу разложения, то в ней не допускается жестко тоталитарная или авторитарная модель действий государства. Скорее, это “смягченный” вариант такой модели, предполагающий право людей не просто свободно высказывать свое мнение и отстаивать его вопреки позиции большинства, но даже отстаивать свои интересы с помощью забастовок и демонстраций.

³ Речь идет об общероссийском исследовании Института социологии РАН “Готово ли российское общество к модернизации?” (2010 г.), репрезентировавшем население страны старше 18 лет по полу, возрасту, региону проживания и типу поселения. В статье используются также данные исследований “Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов” (1995 г.), “Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?” (1998 и 2007 гг.), “Собственность в жизни и восприятии россиян” (2005 г.). Выборка и результаты этих исследований описаны, в частности, в работах [Готово... 2010; Российская... 2008; Российская... 2005] и др.

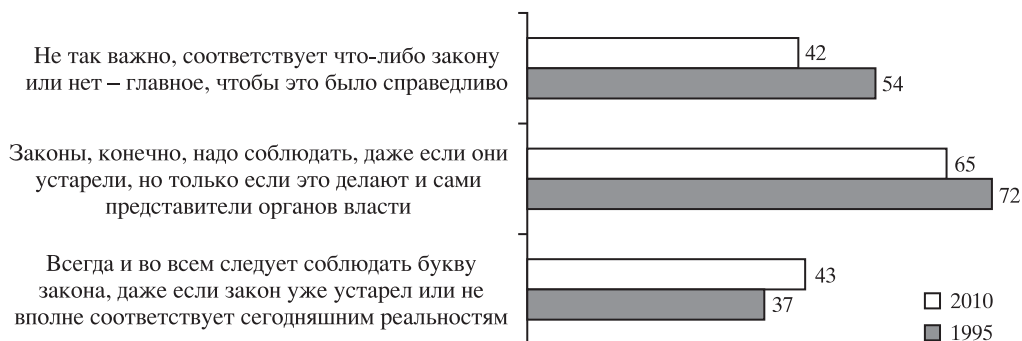

Рис. 2. Согласие с суждениями, отражающими особенности отношения россиян к закону (1995/2010 г., % сумевших определить свою позицию в данных вопросах⁴).

Естественна в этом контексте и делегитимизация права государства ограничивать свободу прессы. При этом одновременно активно растет запрос на Закон (“писаное право”) как новый социальный регулятор, приходящий в обществах модерна на смену Традиции, выступавшей ранее в этом качестве (в позднеэтакратических обществах одной из таких традиций выступает и соблюдение так называемого “телефонного права”, отражавшего разницу социальных статусов во властной иерархии и, как правило, вступавшего в противоречие с правом “писаным”).

О росте этого запроса свидетельствует не только резкое падение за последние годы толерантности россиян к возможности влияния государства на правосудие, но и растущее в их среде понимание, что законы надо соблюдать в любом случае (см. рис. 2). Не случайно именно равенство всех перед законом (лозунг, знаменующий собой важнейший этап социальной модернизации) выступает в сознании россиян ключевой проблемой реализации поставленной Президентом России задачи модернизации страны, обгоняя в их сознании значение и технологической перестройки экономики, и даже реализации принципа социальной справедливости. Равенство всех перед Законом уже много лет россияне называют и важнейшим признаком демократии.

Учитывая, что речь идет о сравнительно коротком временном периоде, такой рост свидетельствует о достаточно быстрой перестройке общественного сознания и постепенном сокращении правового нигилизма среди россиян. И хотя группа считающих, что не так важно, соответствует что-либо закону или нет – главное, чтобы это было справедливо, по-прежнему очень многочисленная, все же впервые за время наблюдений она стала составлять в 2010 г. менее 50%, сократившись за 15 лет примерно на четверть в относительном выражении. Сократилась и доля увязывающих необходимость соблюдать закон с тем, насколько законопослушны представители органов власти, зато выросла доля тех, кто полагают, что всегда и во всем следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реалиям.

Тем не менее, несмотря на все эти изменения, отражающие ярко выраженный запрос россиян на то, чтобы закон как социальный регулятор наконец заработал, наши сограждане и в настоящее время остаются в массе своей сторонниками “консенсусной” модели законопослушания, предполагающей, во-первых, что нормы закона обязательны для всех и только в этом случае они готовы их соблюдать, а во-вторых, что эти нормы прошли моральную легитимизацию, то есть соответствуют их представлениям о социальной справедливости.

Ярким свидетельством в пользу такой интерпретации полученных данных выступает отношение к необходимости выполнять распоряжения руководителей независимо

⁴ Вопрос не носил альтернативного характера, и по каждой из переменных ответ выбирался отдельно, поэтому общая сумма ответов более 100%.

от того, убежден ты в их правоте или нет. Хотя доля убежденных в том, что руководителям нужно подчиняться, даже если ты не согласен с их требованиями, за последние 15 лет выросла, свыше двух третей работающих по-прежнему к этому не готовы. Это означает, что *саботаж распоряжений “начальства”, еще со времен крепостного права бывший основным способом борьбы за свои интересы в России, имеет определенную и четко артикулированную подоплеку – убеждение, что делать надо только то, с чем ты согласен. Причем это убеждение – общая социокультурная норма, поскольку его разделяют (в среднем примерно в двух третях случаев) даже предприниматели, имеющие наемных работников, и руководители разных уровней. Вряд ли можно в этих условиях ожидать укрепления технологической дисциплины, столь важной для модернизации российской экономики и развития высокотехнологичных отраслей.*

При этом неважно, где прошла первичная социализация людей, где они живут в настоящее время, а также не имеют значения их пол, образование, профессиональная принадлежность, общая оценка своей ситуации на работе, стиля руководства на ней и т.д. Даже в армии, правоохранительных и других силовых структурах лишь половина считают, что распоряжения руководства надо выполнять в любом случае, а остальные сотрудники силовых структур убеждены, что надо выполнять лишь те распоряжения, с которыми они согласны. Понятно, чем может обернуться столь ярко выраженный правовой нигилизм “человека с ружьем”.

Однако постепенно в России все же формируются предпосылки для того, чтобы *на место “вольницы”, где каждый делает лишь то, с чем он согласен, пришли нормы и модели поведения современных обществ с их уважением к закону, эффективно работающей судебной системой и умением отстаивать свои групповые интересы в рамках предложенных институциональных форм.* Об этом свидетельствует не только уже упоминавшийся запрос россиян на активизацию закона как социального регулятора, но и динамика восприятия россиянами свободы как полностью бесконтрольного и ничем не ограниченного поведения (не случайно анархизм как учение столь пышно расцвел более 100 лет назад именно на российской почве). Постепенно смысл понятия “свобода” в российской культуре изменяется, хотя процесс этот идет очень медленно, и 60% россиян до сих пор убеждены, что свобода – возможность быть самому себе хозяином (“воля”, противостоящая “неволе”, “подневольности” как антитезе свободы), при этом 40% полагают, что здесь – набор определенных политических прав и свобод. Тем не менее процесс вытеснения понимания свободы как “воли”, анархического восприятия ее как “свободы от” (общества, начальства, многочисленных должностных, вытекающих из различных социальных ролей) характерным для обществ модерна ее пониманием как “свободы для”, то есть возможности защищать свои интересы в рамках предусмотренных законом прав и свобод, все-таки идет. Так, если 15, и даже 10 лет назад в двух альтернативных определениях свободы (“свобода – это возможность быть самому себе хозяином” и “свобода человека реализуется в его политических правах и свободах”) соотношение выборов первого и второго составляло 65 к 35%, то сейчас – 60 к 40%.

Однако, поскольку свобода для россиян – все еще прежде всего “свобода от”, то, следовательно, и все инструментальные ценности демократии для них сравнительно неважны. В итоге пять ключевых признаков демократии в их глазах – равенство всех граждан перед законом (53%), независимость суда (43%), свобода печати (43%), свободные выборы власти (40%) и возможность свободно высказывать свои политические взгляды (36%). При этом в пользу многопартийности, наличия оппозиции и т.п. инструментов демократии как ее ключевых признаков в 2010 г. высказывались менее 20%. Вспомним в этой связи также и понимание россиянами задач оппозиции, которая как особая политическая сила призвана в их глазах не конкурировать за власть, а контролировать правильность поведения “власти” в отношении соблюдения ею общественных интересов и помогать ей в этом главным для всех деле.

Это, конечно, *принципиально иная система норм, регулирующих взаимоотношения личности, общества и государства, нежели существующая в западной культуре,*

Рис. 3. Каким должен быть, по мнению населения, экономический строй в России (1998/2010 гг., в % от россиян в возрасте до 65 лет).

где государство не просто заботится об абстрактном “блага народа”, а выступает гарантом интересов и прав человека в его взаимоотношениях с обществом. К сожалению, та модель развития рыночной экономики, которая органично вытекает из ключевой роли государства в жизни общества и представляется россиянам оптимальной для России, имеет мало общего с современными высокоэффективными ее моделями. Данные исследований позволяют говорить об устойчивом тяготении россиян к смешанной экономике с доминирующей ролью государства и государственной собственности. По их мнению, все стратегические отрасли экономики и отрасли социальной сферы, гарантирующие здоровье и благополучие нации, должны находиться под безусловным контролем государства. В то же время, и в этом вопросе можно увидеть признаки постепенного разложения норм, служащих основанием для легитимации позднеэтакратической модели развития, а число сторонников более современной организации экономики России постепенно растет (см. рис. 3). Тем не менее *восприятие государства как ключевого экономического агента с вытекающим из него запросом на усиление роли государства в экономике и расширения государственной собственности остается ключевым отличием россиян от населения стран западной культуры* (см. рис. 4).

Совсем иной, чем для представителей западной культуры, смысл, имеет для россиян и институт частного предпринимательства. Предпринимателей они воспринимают весьма толерантно, и для большинства из них частный бизнес имеет право не только на существование, но и на защиту со стороны государства в условиях России. Однако верно это лишь для законопослушного и экономически эффективного малого и среднего бизнеса. Что же касается крупного бизнеса, то ему места в их нормативной модели практически нет. Кроме того, в системе смыслов российской культуры именно государство – реальный (а желательно и рачительный) “хозяин” всего национального богатства, частью которого оно временно дает “попользоваться” при определенных условиях их формальным собственникам. При этом главный персонаж российского экономического мышления – не столько “собственник”, сколько “хозяин” (“хозяин-барин”). В этом контексте понятно, почему, несмотря на рост толерантности к частному бизнесу, основная масса россиян убеждена, что предприятия, которые наносят ущерб интересам государства, следует без всякой компенсации национализировать.

Легитимность гипертрофированной роли государства в экономической сфере вообще и по отношению к частной собственности связана с таким специфическим аспектом понимания института частной собственности в российской культуре, как права собственника бесконтрольно и без всяких ограничений распоряжаться соответ-

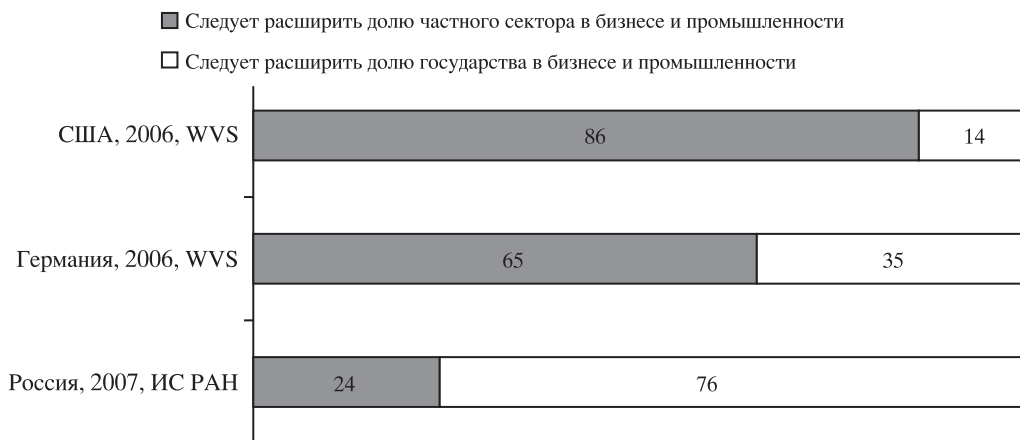

Рис. 4. Отношение к целесообразности расширения государственного и частного секторов у граждан разных стран мира (в % от ответивших)⁵.

ствующим объектом⁶. Это вытекает из уже упоминавшейся специфики российского понимания свободы как “свободы от”. Учитывая такое понимание свободы, в том числе и экономической, можно выделить три группы видов собственности, по отношению к хозяевам которых права государства существенно различаются. Причем в данном вопросе, исходя из роли соответствующего объекта в жизни сообщества и возможных последствий бесконтрольного распоряжения им, россияне практически полностью единодушны.

Первая группа включает в себя собственность, используемую в частной жизни граждан – жилье, крупные суммы денег, земельные участки и т.п. В распоряжении этими видами собственности их “хозяева”, кто бы они ни были, по мнению подавляющего большинства россиян, должны быть полностью свободны. Вторая группа включает в себя земли для производства сельхозпродукции на продажу, акции предприятий и сами предприятия. По отношению к этим объектам допускается собственность на них и частных лиц, и коллективов, и государства, но контроль за их использованием по отдельным, наиболее важным для жизни сообщества параметрам должно осуществлять государство. Что же касается всех видов природных богатств, а также транспортных коммуникаций и энергетики, то именно государство выступает в сознании россиян подлинным владельцем (“хозяином”) соответствующих объектов независимо от того, кто в тот или иной момент является их формальным собственником.

В то же время следует отметить, что и в этой области нормативных представлений россиян наблюдается очень интенсивная динамика (см. рис. 5), отражающая принятие ими новых норм по отношению к экономической основе развития российского социума. При этом россияне выступают сторонниками абсолютной легитимности только такой собственности, в основе которой изначально лежит труд самого собственника или тех, от кого он получил ее по наследству. В тех же случаях, когда связь собственности и лежащего в ее основе труда размывается и ускользает от непосредственного восприятия, россияне не склонны уважать ее формально-правовой статус. И тот, чье право на соответствующее имущество основано лишь на традиции и морально-этических основаниях, у большинства населения России вызовет бóльшую поддержку, чем

⁵ Данные по Великобритании, Германии и США здесь и далее приводятся по исследованию World Value Survey (WVS) (волна 2006 г.).

⁶ Добавлю в этой связи, что собственность для большинства россиян – это не любой объект соответствующего права, а нечто материальное, прежде всего – различного рода недвижимость. В этом отношении весьма характерно, что даже крупная сумма денег в меньшей степени ассоциируется для них с частной собственностью, чем телевизоры, холодильники и мебель.

Рис. 5. Согласие россиян с тем, применительно к каким видам собственности государство может ограничивать права их собственников (2005/2010 гг., в %).

тот, кто является его собственником “по документам”, но без моральной легитимации этих прав.

Одним из проблемных с точки зрения успешного экономического развития в условиях глобализирующейся экономики аспектов понимания собственности в российской культуре и норм, регулирующих отношение к ней, выступает отношение россиян к праву “чужих” (иностранных компаний или граждан) иметь собственность на территории России. Если речь идет об отдельных людях, то определенная часть (хотя и меньшинство) россиян не против наличия у них в собственности квартиры, используемого ими для собственных нужд земельного участка и даже акций предприятий. Однако превращения граждан других государств в хозяев земель сельскохозяйственного назначения или промышленных предприятий россияне скорее не хотят, чем приветствуют это. В еще большей степени это относится к инофирмам, хотя здесь наблюдается очень интенсивная динамика, позволяющая даже говорить о переломе тенденций (см. рис. 6). Видимо, отчаявшись в поисках “эффективных собственников” внутри России, наши сограждане все лучше начинают относиться к проявляющим интерес к отечественным предприятиям зарубежным компаниям.

Наконец, россияне – категорические противники передачи в собственность гражданам или фирмам из других государств природных богатств страны, в особенности – ее недр. В этой связи надо сказать, что они исключительно последовательно настаивают на том, что государство должно быть собственником не только природных ресурсов, но и природных комплексов и объектов природы. Единственное исключение, которое делается из этого правила, – земли сельскохозяйственного назначения. Закономерность тут прослеживается следующая: если люди могут хотя бы теоретически сами что-то получить от такого рода собственности в частных руках, то они больше приветствуют частную собственность на сельскохозяйственные земли. Если же этот вопрос носит для них абстрактный характер, то они руководствуются идеологическими соображениями, и тогда основными противниками частной собственности на землю выступают представители старших возрастов и социальные аутсайдеры. Та же тенденция фиксируется в отношении частной собственности на акции предприятий и на сами предприятия.

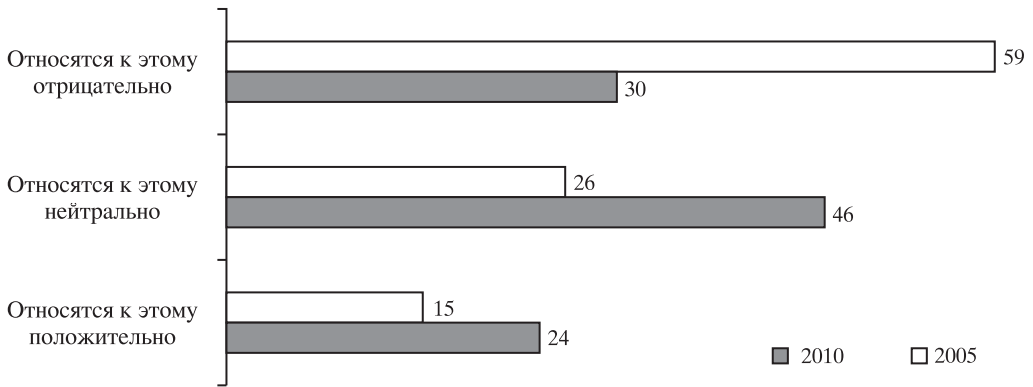

Рис. 6. Динамика отношения россиян к существованию предприятий, принадлежащих иностранным фирмам (2005/2010 гг., в % от ответивших).

В связи с характеристикой экономической составляющей нормативных представлений россиян нельзя не упомянуть и проблему патернализма. Именно в этом вопросе ярче всего видно, что существующая в российской культуре модель “должного” социума, которая обеспечивает устойчивость существующей в России модели общества и отторжение всех институтов, которые пытаются в него “имплантировать”, уже вступила в фазу своего разложения. Характерная для российской культуры нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства в ее современном варианте уже не предполагает безусловной и безоговорочной жертвенности со стороны рядовых членов общности. Она носит консенсусный характер и предполагает, что каждая из сторон выполняет свои обязательства только в том случае, если их выполняет и другая сторона. Поскольку же, с точки зрения россиян, в последние два десятилетия принципы функционирования данной модели постоянно нарушаются, то и сами они не собираются их соблюдать. Более того, такое поведение государства ведет не только к усилению разрыва между “должным” и “сущим” в восприятии россиян и делегитимизации государства, но и к постепенному изменению тех норм, на которых основана легитимность самого существования этакратических обществ для их членов.

Такая динамика связана с тем, что к числу главных функций государства в рамках существующей в российской культуре нормативной модели относится не только адекватное выражение текущих и стратегических интересов макрообщности, но и забота о минимальных текущих нуждах членов этой общности, для чего, собственно, государству и нужно сохранять “ключевые высоты в экономике”. Последовательная реализация этих функций – основа легитимности власти государства и встречной готовности граждан выполнять требования власти, их “послушания”. Таким образом, мы имеем здесь дело не просто с патерналистскими ожиданиями, а с распространенностью среди населения норм, отражающих так называемые патрон-клиентские отношения, при которых государство получает от населения мандат легитимности на практически необъятные властные и имущественные права одновременно с делегированием ему ответственности за положение его граждан и принятие решений, касающихся страны в целом. И если оно не выполняет своих обязательств, то граждане предъявляют ему претензию за недостаточное к ним внимание (см. рис. 7), а со временем – и отказывают ему в легитимности его власти.

Как видим, позиции россиян и в этом вопросе, как и в вопросе о роли государства в экономике, принципиально отличаются от позиций представителей западной культуры. В то же время по другим компонентам их экономических воззрений (убеждениям, что конкуренция – это хорошо, ибо стимулирует людей напряженно работать, что благосостояние каждого может увеличиваться за счет роста благосостояния всего общества, а не за счет ухудшения положения других людей, и т.д.) россияне мало чем

Рис. 7. Распространенность патерналистских настроений у граждан разных стран мира (в % от ответивших).

отличаются от жителей старой Европы. При этом динамика взглядов россиян в тех двух принципиальных моментах, которые отличают их “экономический менталитет” от взглядов на базовые принципы развития экономики жителей старой Европы и США (то есть в распространенности патерналистских ожиданий и представлений о ведущей роли государства в экономике) говорит об их разной природе. В отличие от практически не меняющегося отношения к роли государства распространенность патерналистских ожиданий – реакция на ситуацию, когда большинство населения мало что может сделать для улучшения своего положения из-за реальных структурных ограничений, и в 1990 г. доминировала норма, что ответственность за собственное самообеспечение в большей степени должны нести сами люди⁷.

Решающую роль в этом переломе сыграли 1990-е гг. Именно тогда произошел не просто фактический уход государства от обязательств перед своими гражданами, но и смена политической риторики с провозглашением государством, по сути, лозунга “Спасение утопающих – дело рук самих утопающих”. И хотя с изменением политической риторики, а отчасти – и реальной внутренней политики в 2000-х гг., произошла некоторая реанимация старых норм, скепсис в отношении “заботы” государства о своих гражданах продолжает доминировать. Он усиливается тем больше, чем больше реальный жизненный опыт убеждает наших сограждан, что в предлагаемой системе общественных отношений подавляющее их большинство не способны самостоятельно справиться со своими проблемами, так как решающую роль в ней играют не столько личные усилия, сколько связи и везение (см. рис. 8). И то, что между представителями самой активной в трудовом отношении возрастной когорты 31–40 лет или работающими в целом, которые на собственном опыте видят, что определяет в современной России занятие благоприятных структурных позиций, и теми, чьи суждения в этом вопросе определяются чисто нормативно, из усвоенной когда-то и не скорректированной сегодняшним опытом системы взглядов (пожилым населением), в этом вопросе есть качественный разрыв, – яркое свидетельство того факта, что с распространенностью в России патерналистских ожиданий дело не столько “не в тех нормах”, сколько в “не той реальности”. В этой связи симптоматично: убеждение, что они смогут сами обеспечить себя и свою семью и поэтому не нуждаются в материальной помощи со стороны государства, доминирует только в одной возрастной группе – до 25 лет включительно. В группе 26–30 лет число сторонников как этой точки зрения, так и убеждения, что без материальной поддержки со стороны государства им и их семьям выжить

⁷ Данные World Value Survey (WVS) 1990 г. (вторая волна: 1989–1993 гг.).

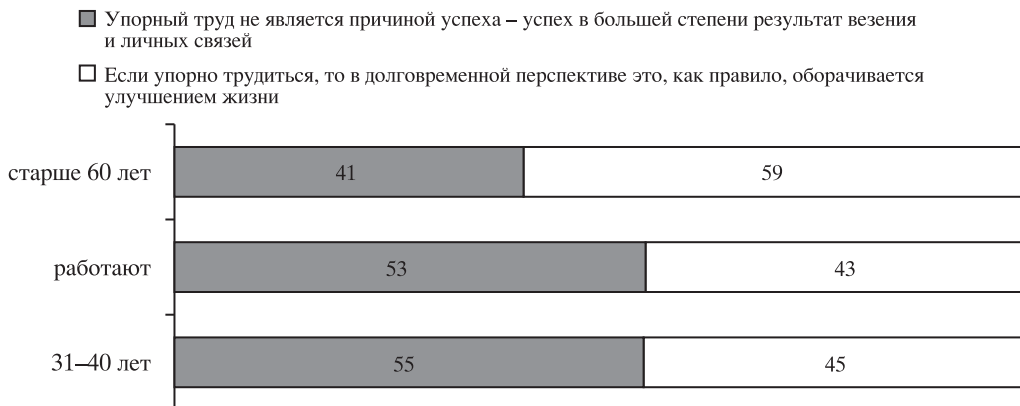

Рис. 8. Оценки россиянами факторов, влияющих на их возможности с помощью собственных трудовых усилий улучшить свою жизнь (в % от ответивших).

сложно, практически выравнивается, а после 30 лет перевес в пользу второго из этих альтернативных суждений становится очень значителен (14% и более).

Неудивительна в этих условиях и динамика приоритетов интересов макро- и микрообщностей в сознании россиян за последние 20 лет. Так, в 2000 г. 87% россиян, принимая важные для себя решения, говорили о том, что они руководствовались бы частными (своей семьей или личными) интересами, и лишь 13% декларировали, что исходили бы в этой ситуации из интересов государства или своего производственного коллектива. Затем, под влиянием надежд на изменение ситуации со сменой власти в стране, картина несколько сдвинулась в сторону приоритетности интересов государства и коллектива, однако в 2010 г. подавляющее большинство россиян вновь поставили на первые строчки своих приоритетов интересы семьи (60%) или собственные интересы (20%) и лишь 20% даже на словах готовы были руководствоваться в серьезных для них вопросах интересами государства (4%) или коллектива (16%). При этом среди занятых в государственном и муниципальном управлении ни один (!) респондент не сказал, что он руководствовался бы в этом случае интересами государства, и лишь 6% руководствовались бы интересами коллектива, а в так называемой бюджетной сфере эти показатели составили 1 и 14%, соответственно. В то же время в промышленности и энергетике, например, они составляли 4 и 15%, соответственно, в сельском и лесном хозяйстве – 3 и 18%, в финансовой сфере – 4 и 18%, и т.д. Это ли не наглядное признание того, что *существовавшая ранее нормативная модель, основанная на идее “служения” государству/державе, уже потерпела полное фиаско, и постепенное размывание ее легитимности в нормативно-ценностной системе населения России лишь отражает уже совершившийся факт полного исчезновения соответствующих норм из сознания ключевой для успешной реализации этой модели группы – государственных служащих.*

Таким образом, главным следствием фактического “ухода” государства в 1990-х гг. не только из экономической, но и из социальной сферы, отражающим изменения, произошедшие в этот период в сознании работников самого государственного аппарата сверху донизу⁸, стало то, что характерная для российской культуры нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства в итоге делегитимизировалась в глазах населения. В самом деле, зачем делегировать государству столько прав, если оно при этом не выполняет своих базовых обязанностей? Да, учет в последнее десятилетие властью хотя бы на уровне деклараций ожиданий общества,

⁸ То, что этот процесс имел повсеместный характер, продемонстрировал, в частности, опрос руководителей всех уровней, занимавшихся в конце 1990-х гг. разработкой и реализацией государственной социальной политики, проведенный Т. Сидориной (см. [Государственная... 2003]).

в отличие от ситуации в эпоху Б. Ельцина, способствовал временному расширению делегирования ей права действовать от лица и в интересах общества. Однако это право, во-первых, уже не столь бесспорно и сакрально, как раньше. Во-вторых, многие конкретные нормы, на которых строится характерная для России нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства, начали терять в последние 15 лет свою популярность или ослабевать. В-третьих, легитимизация в последние годы права государства защищать интересы общности даже в ущерб интересам и правам отдельного человека диктуется в ряде случаев лишь утилитарными, прагматическими соображениями и теряет характер культурной нормы.

Все вышесказанное позволяет сделать три основных вывода. Первый – *процессы социокультурной модернизации в области норм и смыслов, определяющих отношение россиян к базовым принципам развития страны, еще не завершены*. Свидетельства тому – их специфическое отношение к природным ресурсам, четкое деление на “своих” и “чужих” с соответствующим ограничением допуска “чужих” к собственности на значимые условия существования сообщества, ряд специфических особенностей восприятия частной собственности и прав частного бизнеса, в частности значимость их морально-этической легитимации, и относительная незначимость юридически закрепленных прав собственности, и т.д. Впрочем, все эти особенности характеризуют в период социокультурной трансформации любую страну, совершающую модернизационный переход.

Второй вывод, связанный со спецификой российской культуры в части ее нормативно-ценностной составляющей, состоит в том, что *легитимность всевластия государства и его особой роли в экономике свидетельствует – этакратизм с характерной для него сращенностью власти и собственности по-прежнему остается в России нормой для общественного сознания*. Право государства на ограничение прав частных собственников вплоть до прямого изъятия их собственности, статус государства как основного собственника и субъекта экономического развития, патрон-клиентские отношения между ним и населением и т.д. – лишь некоторые проявления этого.

Наконец, третий вывод состоит в том, что, несмотря на сохранение доминирующего положения этих норм, *в отношении базовых прав и свобод, затрагивающих интересы рядовых граждан, по итогам последних 15 лет можно зафиксировать интенсивную динамику, связанную с размыванием легитимности всевластия государства* в этой области. На ходе этого процесса сказываются несколько факторов. Во-первых, как уже отмечалось, на этот процесс влияют действия “власти”, которая, в отличие от населения, долго не понимала (а часть ее представителей и сейчас не понимают), в какой “системе координат” и как именно ей надо действовать, чтобы сохранить свою легитимность. Во-вторых, в поколениях, социализирующихся в новых условиях, все же несколько больше людей, отрицающих нормы традиционной для российской культуры модели взаимоотношений общества, личности и государства, включая априорную сращенность власти и собственности, чем среди тех, кому “за 50”. В-третьих, начинает сказываться хотя и затормозившийся в последние два десятилетия, но успешный набрать некую критическую массу еще в советское время процесс концентрации населения в крупных городах и одновременного увеличения в составе их жителей доли лиц с высшим образованием. И то и другое ведет к постепенному распространению ценностей, слабо совместимых с традиционной для России системой норм взаимоотношений личности, общества и государства, и формированию на этой основе новой нормативной системы.

Ключевым в этих условиях становится вопрос о том, куда и как пойдет дальнейшая эволюция нормативно-ценностных систем в России. Общий вектор эволюции нормативной составляющей этих систем отчасти был намечен выше. Однако нормы неразрывно связаны с ценностями⁹ людей, с их стремлениями и установками, также

⁹ Ценности, в отличие от норм, отражающих долженствование или “естественность”, “нормальность” определенного положения, поведения и т.д., всегда этически (хорошо/плохо) или эмоционально (хочу/не хочу, важно/не важно) окрашены.

**Динамика выбора россиянами ценностных суждений в альтернативных парах
(1995–2010 гг., в %)**

Альтернативные ценностные суждения	1995 г.	2000 г.	2010 г.
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него была спокойная совесть и душевная гармония	93	94	80
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него были доступ к власти, возможность оказывать влияние на других	7	6	20
В жизни главное – хорошие семейные и дружеские отношения	91	92	82
В жизни главное – общественное признание и успех	9	8	18
Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни	63	58	54
Главное в работе – это сколько за нее платят	37	42	46

претерпевающими в последние десятилетия серьезные изменения. С точки зрения ценностей, национальная культура, обеспечивавшая длительное и устойчивое существование социума этатрагического и позднетрагического типа, неизбежно должна была относиться к типу коллективистских. Однако при этом сами россияне – в массе своей ярко выраженные индивидуалисты, как свидетельствуют их психологические особенности (см. [Касьянова, 2003]), огромная роль для них свободы (“воли”), понимание этой свободы в духе анархизма и многие другие факты.

Именно поэтому в России исторически нужен был *особенно жесткий “пресс” культурных норм, вырабатывавших способность к подчинению личных интересов коллективным и неизбежно формировавших в этой связи в первую очередь не ценности успеха и преуспеяния, а ценности хороших отношений, душевной гармонии, и, особенно, чистой вести как свидетельства соблюдения данным индивидом в его собственных глазах интериоризированных норм культуры.* Этот “пресс” веками сдерживал центробежный индивидуалистический порыв россиян, позволяя не только сохраниться определенному типу социума, но и обеспечить в нем приемлемые условия для совместного существования, не доводя до “войны всех против всех” (опасность которой особенно велика в условиях отсутствия эффективно действующей правовой системы). Сейчас этот “пресс” в силу разрушения в 1990-х гг. многих существовавших в советское время механизмов ретрансляции норм культуры, а также возникновения объективного противоречия между этими нормами и критериями селекции, обеспечивающими восходящую мобильность в новых рыночных условиях, в значительной степени уже исчез. В этих условиях естественно, что *максимальный рост в последние годы продемонстрировали именно те ценности, которые связаны с индивидуальным успехом и самоутверждением в ущерб ценностям, присущим культурам коллективистского типа*¹⁰.

Более того, пострадала и распространенность ценностей, обычно относимых не к ценностям модерна, а к ценностям постмодерна, например возможность самореализации. Как видно из таблицы, ценности, связанные с душевной гармонией, хорошими отношениями с близкими людьми и самореализацией, заметно потеряли за последние

¹⁰ Об этом же говорят и другие исследования ценностей – Н. Лапина, В. Магуна и М. Руднева, Н. Латовой, Н. Лебедевой и А. Татарко, выполненные с использованием иных методик и на других массивах данных.

15 лет в популярности. И хотя интересная работа до сих пор входит в терминальные ценности большинства россиян, однако в условиях, когда, как было отмечено выше, упорный труд не рассматривается как причина успеха большинством работающих, а успех становится все более значим, такая самореализация вряд ли долго сохранится как значимая ценность для большинства населения. И вряд ли можно ожидать в подобных условиях серьезного положительного эффекта от роста в российском обществе достижительных ценностей.

* * *

Эмпирические данные свидетельствуют, что Россия, при всей специфике характерной для нее культурной модели, достаточно далеко продвинулась за последние полтора десятилетия по пути социокультурной модернизации. При этом часть норм и ценностей в ходе социокультурной модернизации заменяется в ней другими, зачастую альтернативными, а часть меняет свой смысл. Так, ценность свободы, например, остается, но смысловое наполнение ее становится иным, то же относится к пониманию института частной собственности, и т.д.

В то же время в России пока сохраняется закрепление в системе норм национальной культуры определенной модели развития социума, который можно охарактеризовать как позднеэтакратический. Наиболее характерными его особенностями выступают особая роль государства в жизни общества и в экономике, сращенность власти и собственности. Соответственно, “ядерным” и наиболее устойчивым элементом системы неформальных норм, обуславливающих невосприимчивость этого социума к “имплантированию” в него многих институтов, характерных для развитых стран, выступает та часть этих норм, которая относится к экономической сфере, прежде всего к пониманию места государства в экономике, отношению к собственности на природные ресурсы и представлениям о сути собственности, связанным с историческими особенностями развития России на протяжении по меньшей мере последнего тысячелетия.

Само по себе признание рыночных начал в экономике вполне совместимо с этой системой норм и не ведет к ускорению социокультурной модернизации. Последняя осуществляется в обществах позднеэтакратического типа прежде всего под влиянием процессов, связанных с социальной модернизацией (в первую очередь с урбанизацией) и требующих гораздо большего времени, нежели экономическая модернизация, как правило, времени жизни не менее двух-трех поколений. Механизм социокультурной модернизации в этом случае выглядит следующим образом. Разложение традиционалистских норм и ценностей начинается с осознания человеком самого себя как свободно действующего и самостоятельно определяющего свою судьбу субъекта – ситуация, характерная именно для обществ модерна и являющаяся следствием прежде всего плюрализации и дифференциации жизненных траекторий в условиях городской жизни, предоставляющей индивиду гораздо больше “степеней свободы”. Затем оно “докатывается” до осознания человеком необходимости механизма защиты своих интересов (сначала не от государства, а от окружающих) и понимания отсутствия в обществе, членом которого он является, эффективных механизмов такой защиты из-за отсутствия требующихся для этого институтов. Следующий шаг связан с признанием человеком необходимости независимого правосудия, равенства всех перед законом, права отстаивать свои интересы при помощи массовых акций и т.д. Отсюда уже недалеко и до признания необходимости свободы слова и других демократических свобод.

Этап социокультурной модернизации в России соответствует той точке этих изменений, когда требование независимого правосудия и равенства всех перед законом уже актуализировано и артикулировано для большинства населения, но связь с этим требованием демократического устройства общества еще только начинает осознаваться. При этом ценности постмодерна (значимость возможностей самореализации, готовность идти на материальные жертвы ради целей устойчивого развития и т.д.)

в последние годы даже теряют в России свою популярность в отличие от ценностей материального преуспевания, индивидуального успеха и т.п. Нельзя забывать также о том, что для россиян характерны весьма слабая готовность к соблюдению производственной дисциплины вообще и технологической дисциплины в частности, очень небольшой “горизонт планирования”¹¹, отсутствие четкой связи в их сознании трудовых усилий и материального преуспевания, отсутствие солидарности и т.д.

В контексте тенденций общемирового развития это означает, что население России в основной своей массе не готово к конкуренции в третичном и четвертичном секторах экономики, а также в высокотехнологичных отраслях индустриального сектора. Его нормы и ценности соответствуют скорее индустриальному этапу экономического развития. Однако, и это уже важно для прогнозирования развития ситуации внутри страны, россияне не будут использовать в обозримом будущем для защиты своих интересов тех инструментов, которые были характерны для индустриального периода развития западных стран и обычно ассоциируются с демократическим устройством общества (профсоюзы, забастовки, демонстрации и т.д.). Это связано не только с внешними, институциональными ограничениями, но и обусловливается спецификой их норм и ценностей. Значит, все выше становится риск, что в условиях потери властью своей легитимности протест против предложенных “правил игры” со стороны населения может принять неадекватные формы, например форму националистических выступлений. Это дополнительно ухудшит шансы России в конкурентной борьбе на мировой арене.

Все это заставляет с осторожностью оценивать перспективы России в конкуренции не только с западными странами, но и со странами БРИК в условиях нового формирующегося мирового порядка. И хотя темпы изменений в нормативно-ценностных системах россиян достаточно высоки, они могут оказаться недостаточными для занятия нашей страной стратегически удачного места на мировой арене, даже если отвлечься от проблемы неэффективности и коррумпированности российских элит. А это, в свою очередь, будет означать не только консервацию нынешней экономической модели развития страны, но и отсутствие предпосылок для ускоренного завершения социальной и социокультурной модернизации, без которых невозможно радикально изменить ее место на мировой арене. Круг замкнется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств. М., 2003.
Готово ли российское общество к модернизации? М., 2010.
Касьянова К. О русском национальном характере. Академический проект. М., 2003.
Российская идентичность в социологическом измерении. М., 2008.
Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа. М., 2005.
Тихонова Н.Е. Личность, общество, власть в российской социокультурной модели // *Общественные науки и современность.* 2001. № 3.
Тихонова Н.Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // *Общественные науки и современность.* 2006. № 1.
Тихонова Н.Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // *Общественные науки и современность.* 2005. № 6.
Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 1 // *Общественные науки и современность.* 2008^а. № 2.
Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 2 // *Общественные науки и современность.* 2008^б. № 3.
Шкаратан О.И. Становление постсоветского неэтакратизма // *Общественные науки и современность.* 2009. № 1.

© Н. Тихонова, 2011

¹¹ Ровно половина опрошенных в 2010 г. считали невозможным планировать свою жизнь даже на год вперед и лишь 4% планировали ее на пять лет и более.